

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10^e, TAI 43-16
« LA PENSÉE RUSSE »
C.C.P. 5883-44, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI

Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ

Directeur
Serge VODOFF

ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Принем по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

ПОДПИСКА ЦЕНА: на 3 мес. — 19,00 NF.; на 6 мес. — 35,00 NF.; на год — 70,00 NF.; ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ: на 3 мес. — 22,50 NF.; на 6 мес. — 42,00 NF.; на год — 84,00 NF.

Русский интеллигент

У РУССКОГО интеллигента не только не существовало чувства кровного родства с народом, но он не ощущал себя и частью народа, возвышался над ним, как «критически мыслящая личность». Он был герой, народ — «толпа». И далее: «Интеллигенция была всегда непоколебимо уверена в своем праве «казнить» родную страну и бичевать тупой жестоковыйный народ, неспособный понять ее высоких идеалов. Это было не фальшиво, не наиграно, а вполне искренне, от нутра. Громил и порицал, как посланные свыше, как облеченные властью». Это взято мною из статьи Н. Ульянова, помещенной в сборнике, участники которого посвящают свои труды одному из замечательнейших представителей русской интеллигенции — Борису Пастернаку.

Кающихся интеллигентов развелось много в эмиграции. Сидя в Нью-Йорке, в Париже или в каком-нибудь другом городе, они гневно «громят и порицают, как посланные свыше, как облеченные властью», все, что им сегодня не нравится, часто не замечая того, что сами походят на ими громимых и поносимых. Думаю, что вообще подобный спор возможен только среди русских. Ни одному немцу, француз или англичанину не придет на ум так грубо расправляться со своей интеллигенцией, как это делаем мы. А между тем, если есть у России кем и чем гордиться, то это, конечно, своей интеллигенцией и ее подчас изумительным творчеством. Зачастую ей приходилось жить и творить в чрезвычайно тяжелых материальных и политических условиях. И не ее вина, что многие ее представители вынуждены были уходить в подполье, которое, конечно, не могло служить нормальной и здоровой политической школой.

На Западе люди уже давно имели право свободно и публично спорить, обсуждать на собраниях и в печати самые болезненные и острые вопросы. В результате обмена мнениями многое сглаживалось, во многое вносились поправки, и часто смелые и дерзкие новые идеи в конечном счете лишались своего жала, но продолжали оказывать благотворное влияние на развитие человеческой мысли. В этом и заключается одно из бесценных благодеяний свободы. Не то было у нас. Почти до самого последнего времени борьба идей была невозможна. Все, что находилось, хотя бы в ничтожной степени, в противоречии с официальными политическими догматами, считалось крамолой. Только после 1905 года стало немного легче. Но было уже поздно. Нет ничего удивительного, что интеллигенция, то есть цвет нации, с подобным положением не могла помириться. В зависимости от темперамента одни увлеклись крайними теориями, переходили на нелегальное положение, другие придерживались более умеренных взглядов. Но все рвалось к лучшей жизни, к свободе. Они любили человека. Мечтали о его счастье. И, может быть, если бы некоторые интеллигентские «бредни» были своевременно воплощены в жизнь, то большевизм не привился бы на русской земле.

Но она, эта интеллигенция, говорят ее эмигрантские прокуроры, совершенно не знала своего народа, была оторвана от родной почвы. Это обвинение нелепо и вздорно. Нет в мире такой литературы, в которой так ярко и полно отразились бы народные

радости, скорби и чаяния, как литература русская. Крепкими узами связаны с народом и родной землей и русская музыка, и даже живопись. Это признают, кажется, все, за исключением некоторых ненавистников русской интеллигенции. Нельзя бросать обвинения в незнании России и той молодежи, которая «ходила в народ». Конечно, все знать не могли двадцатилетние юноши и девушки. Но их чистая и искренняя любовь к народу, их жертвенность и готовность отдать все, не исключая жизни, во имя дорогих им идеалов не должны вызывать насмешки и поношения.

Сегодня мы посвящаем номер Чехову, столетие со дня рождения которого исполняется завтра. Жизнь и творчество его освещаются в ряде статей. Но, может быть, следует подчеркнуть, особенно сейчас, когда в некоторых кругах с ожесточением нападают на русскую интеллигенцию, что Чехов был ее типичным представителем. Он не принадлежал ни к какой партии или группе. Никакой революционной работой никогда не занимался. Но идеалы, гооудшевлявшие русскую интеллигенцию, всегда были ему понятны и близки. А уж Чехова никак нельзя обвинить в незнании России и русского народа.

Чехов, этот русский интеллигент, прославил Россию во всем мире и принадлежит теперь всему человечеству. Замечательная русская культура ему многим обязана и имеет право гордиться им. И после этого находят люди, обозленные на всех и на все, которые обливают помоями русскую интеллигенцию.

С. ВОДОВ

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ



К столетию

со дня

рождения

1860-1960